

Ю.Ю. Кравинскан

ПОСТМОДЕРНИСТСКИЙ ДИСКУРС КАК ОСНОВА ПОСТКОЛОНИАЛИЗМА: ДИАЛОГ ДВУХ ТЕЧЕНИЙ

Международный статус английского языка оказывает решающую роль на развитие культуры и литературы многих стран. Диверсификация национальных культур бывших британских колоний, помноженная на влияние глобализации привело к тому, что английский язык стал базисным средством выражения для целого ряда национальных литератур. Процесс рефлексии культурных кластеров, сложившихся во второй половине 20-го века на основе британского влияния на автохтонное население стран-колоний привело к появлению постколониализма – течения, имеющего весьма размытые рамки. Это связано с тем, что основной постулат постколониализма развитие культурной общности после колониального освобождения – имеет, в первую очередь, историографическую природу, а не философскую. Так, например, по словам Анны МакКлинток, постколониализм не является единым феноменом. «Приставка «пост», более того, ограничивает национальные культуры вне колониализма предложной временной связью. Термин наделяет колониализм авторитетом в историческом плане, который становится определяющим маркером истории». [10; 86] А. МакКлинток делает вывод, что постколониализм также является продуктом мира, расчерченного колониализмом, а значит, также требует деколонизации.

Рожденный как историографическое явление, постколониализм продолжил свое развитие во фрейме философии основываясь, во многом на постмодернистском дискурсе. В постколониальных исследованиях прослеживаются элементы постструктурализма Ж. Дерриды, психоанализа Ж. Лакана, культурологических концепций Ж. Делеза, Ф. Гваттари, М. Фуко, теории перформанса, которые переосмысляются в применении к постколониальному материалу, одновременно показывая слабые стороны западного постмодерна, связанные с его слепотой по отношению к колониальному различию и инаковости. Среди вышеуказанных философов отпир остановиться на вкладе Фуко, работы которого служат теоретико-философской базой для развития постколониализма. Фуко исследовал множественность центров господства и сопротивления, изложил принцип слияния знания и власти. Также Фуко высказал идею дискурсивного навязывания идентичности, что активно используется в постколониальных исследованиях, в критике маскулинности и феминности, имперской сущности западных дискурсов о Востоке и Западе, чёрных и белых, колонизаторах и колонизированных. Влияние вышеуказанных философов 20-го века на постколониальные исследования раскрывает неразрывную связь постмодернизма и постколониализма в методологическом и теоретическом плане.

Основателем постколониального дискурса является Э. В Сайд, автор работы «Ориентализм» (1979), которая послужила толчком для развития

научной деятельности именно в данном направлении. Сайд, вслед за Фуко, исследовал сложный комплекс знания-власти, выработанный на протяжении нескольких веков в европейской традиции ("Западом") относительно "Востока" и тесно связанный с (нео)колониальными практиками, синхронизированными, в конечном итоге, с ним. Сайд утверждает, что, контролируя процессы производства знания, страны "Запада" смогли навязать "Востоку" такой образ его идентичности, в которой ему изначально отводилось зависимое и подчиненное положение. [5; 231] Э. Сайд также изучил форму обновления самоидентификации [5; 519] и опирался в последние годы жизни на неомарксистскую теорию гегемонии Л. Грамши. Работа Сайда задавала основной вектор концептуального развития постколониализма – объединение "высокой западной теории" и незападной реальности, причем такое объединение, которое давало бы возможность перевернуть теории "Запада" против его же властно-знаниевых стратегий. Тем самым, "Запад" превращается в объект рассмотрения, анализа и деконструкции для исследователей-постколониалистов.

Индийцы по происхождению Хоми К. Баба и Г. Спивак продолжили исследование, начатое Саидом. Баба в своей работе "The Location of Culture"¹ (1994) рассматривает субъектно-объективную проблематику постколониализма и «расщепленное» сознание постколониального субъекта. Г. Спивак дает теоретическую основу постколониальных исследований в работе "Can the subaltern speak?"² (1988), где она подняла вопрос о позиции коренного населения в развитии постколониальных территорий, который не может выступать как независимый актор. [15; 90] Базируясь на данном исследовании, была создана рабочая группа Subaltern Studies Group³, изучающая природу угнетения (подчинения). Исследовательская группа выбирает для себя тему изучение опыта «немых», недостаточно или вовсе не представленных культурных групп, история которых была связана с политическим, социальным, культурным и психологическим подавлением и, соответственно, породила стратегии противостояния. Так, группа пересматривает историю Индии, «вписав их (угнетенных, не элиту) в историю и представив их как агентов политических и социальных изменений» [9] Баба в выше упомянутой работе «Определение места культуры» сформулировал идею гибридности. Было определено, что постколониальный дискурс объединен тематизацией и актуализацией разнообразных других («Иных»), не вписывающихся в метасистему «Запада», которым в западной традиции отказано в праве голоса, анализом опыта подчинения (угнетения), а, следовательно, и колонизации (которая и есть по сути подчинение-угнетение), а также признанием современного интеллектуального состояния "постколониальным". [6; 131] Тем самым, Х. Бабе удалось очертить рамки постколониализма как явления,

¹ «Определение места культуры»

² «Могут ли угнетенные говорить?»

³ Исследовательская группа по вопросам угнетенных

базируясь не на историческом наследии постколониализма, а на философской оппозиции угнетенный («Иной») – угнетатель.

Исходя из данных исследований, можно заключить, что постколониальный нарратив – это диалог с западным постмодерном с позиции «Иного». Сам Х.К. Баба, будучи теоретиком данного течения, – яркий пример постколониального диалога с постмодерном. Метафора «внеположенности, внеместности» присутствует как ключевая и в постмодернизме, и в критических дискурсах глобализации, но везде подчеркивается только одна её сторона, которая отражает позицию главенствующего «Запада». Так, например Ж. Делёз и Ф. Гваттари размышляют о «детерриторизации», «номадизме» и племенной психологии в отвлеченном, абстрактном смысле в рамках очередной социально-политической утопии групповой солидарности.[1] Проект Делеза и Гваттари «Машина войны», как и «племенная номадическая культура», способная с ее помощью разрушать государство, – это именно абстракции и символы власти, авторитета и свободных сил, которые с ней борются. В данном случае нельзя ассоциировать «номадические» структуры Делёза и Гваттари с позицией угнетенных, немых в постколониальных исследованиях, так как у них нет цели разрушить западно-ориентированную систему государственности, а только вписать себя в эту систему как самостоятельного создателя новой гибридной системы, проведя деконструкцию старой. В работах же Х. Бабы «внедомность» обретает уже совершенно иной и более конкретный оттенок, связанный с исключением подавленных национально-культурных групп из информационно-ценостной системы «Запада» [6; 212-217]

Постколониальные исследования переживают свой подъем и на территории постсоветского пространства. Исследовательские группы, которые нацелены на постколониальные типы дискурсов, действуют в Беларуси и Украине. В нашей стране в центре постколониального анализа находятся практики культурного колониализма. Ведется изучение противопоставления понятий: универсальное – местное (как локальное), общечеловеческое – частное (этнографическое), модерновое (перспективное) – отсталое (вне-историческое), в которых первый термин каждой пары оценивается позитивно и является атрибутом метрополии, а второй негативно, как принадлежащий колонии. Данный вектор наиболее ярко отражен в работах М. Павлышина, М. Шкандрия. Вопросам постколониальных исследований на территории Украины также занимается Николай Рябчук, опубликовавший такие работы как «От Малороссии к Украине: парадоксы запоздалого генезиса» (2000), «Дилеммы украинского Фауста: гражданское общество и "развитие государства"» (2000), «Две Украины: реальные границы, виртуальные войны» (2003) и «Зона отчуждения: украинская олигархия между Востоком и Западом»(2004). Данные исследования показывают расширение понятия постколониализма от явления, появившегося на основе распада колониальных империй в 20-м веке к явлению культурно-экономического подавления сильным политическим актором более слабых наций. Литературные критики, исследующие постмодернизм, также

обращают внимание на постколониальные практики, но лишь с точки зрения их включения в кризисные явления в постмодернизме. Среди них следует выделить Высоцкую Н.А. и её статью, посвященную азиато-американской литературе: «Сходження на золоту гору: штрихи до портрету азіато-американської літератури» (2001).

Указанные выше изыскания очерчивают постколониальный дискурс шире, чем только вопрос изучения определенного слоя литературы. Наша задача, определенная рамками литературоведческого исследования, заключается в том, чтобы провести обзор теоретических исследований постколониальной литературы с целью выявить связь с постмодернистским дискурсом, но вывести данное течение в литературе за пределы постмодернизма, доказав что постколониализм является отдельным философским и литературным течением. Актуальным данную работу делает тот факт, что она способствует выявлению основных точек соприкосновения постколониализма и постмодернизма, что позволит провести сравнительное исследование работ авторов австралийского региона. Ключевыми были выбраны романы "My Place"² (1987) Салли Морган и "The Bone People"⁵ (1983) Кери Хьюм, как ярких представителей постколониальных реалий данного ареала. Методологически сравнительный подход является центральным в исследовании, также следует указать описательный метод, метод критического анализа и интерпретации.

В литературных исследованиях последних десятилетий в рамках постколониального дискурса ряд современных авторов объединяются критиками в единую группу, называемую постколониальной литературой. Признаками развития единой линии в данном сегменте литературоведческой практики являются слияние элементов культуры колонизаторов и аборигенных народов, гибридность, активное взаимное влияние и трансформация двух культур. Исторически термин "постколониальная литература" применялся только к литературе бывших колоний Великобритании и пришёл на смену традиционным понятиям "литература (Британского) Содружества" и "литература стран третьего мира", что отвергается постколониалистами из-за негативной коннотации отсталости. В современном критическом исследовании термин постколониальная литература трактуется более широко и используется уже и к иснаноязычной, франкоязычной и русскоязычной литературам.

Существует два подхода к определению данного термина. Взятый буквально, термин «постколониальная литература» означает литературу, созданную людьми из стран, которые раньше были колониями других народов» [7: 7]. Данное определение широко используется и опирается на трактовку Оксфордского словаря литературных терминов, который конкретизирует его

² «Мое Место» – здесь и далее перевод автора

⁵ «Люди-кости»

следующим образом: «термин покрывает очень широкий ряд работ из стран, которые когда-то были колонизированы или зависимы от европейских стран» [13]. Несколько позже появляется концепция постколониальной литературы как одного из направлений литературы колонизаторов, которая также оказывает влияние на другие направления данной национальной литературы. Британский литературовед М. Брэдбери наиболее четко очертил данную тенденцию: "Самая яркая черта культуры последнего десятилетия ее интернациональность, она вбирает в себя традиции других культур, прежде всего в силу того, что на первый план сейчас выдвинулись писатели-эмигранты из бывших колоний нашей некогда могучей империи". [3; 7]

Вопрос критического изучения постколониальной литературы был поднят Францом Фанонем в его работах "Black Skin, White Mask"³ (1952) и "The Wretched of the Earth"⁷(1961). Фанон обосновал идею отверженности колониального интеллектуала и обрисовал этапы развития постколониальной литературы. [8] Уделяя внимание «Черной» культуре Африки, он очертил этапы вовлечения колонизированного населения в создание нового культурного кластера и определил стадии становления постколониальной литературы. По мнению Фанона, существуют три этапа развития: 1 этап – литературные работы имитируют европейскую традицию, 2 этап – автор поднимает вопрос культурного и исторического повторного исследования колонизированного ареала, 3 этап – появление «литературной битвы» (literature of combat), революционной и национальной. [16; 43]. Примером проекции стадий развития постколониальной литературы на литературное творчество может служить Салман Рушди – автор, как критических работ, так и художественных бестселлеров. Будучи британцем индийского происхождения, С. Рушди является сам потомком колонизированного интеллектуального слоя, что позволяет ему занимать сразу три позиции в постколониальном дискурсе: колонизатор – колонизированный – постколониальный критик. Его эссе "'Commonwealth Literature' Does Not Exist"⁸ (1983) показывает, что существующая тенденция в критических исследованиях признать термин «литература Содружества» отвечающим реалиями современности несет в себе элемент подчинения через колониальный подтекст. [14] Данный термин предполагает, что британская литература занимает центральное место, что отражает положение метрополии. Тем самым мы видим, что современные постколониальные авторы находятся уже на третьем этапе становления данного литературного направления.

Изучение постколониальной литературы является одной из центральных тем современной критической мысли. Проводя культурно-ценностное наследие

³ «Черная кожа, белые маски»

⁷ «Изгой Земли»

⁸ «Литературы Содружества не существует»

Запада сквозь призму культурного базиса коренного населения, исследователи уделяют особое внимание критическому анализу работ авторов-постколониалистов. В ходе написания данной статьи было обращено внимание на исследования Лиз Финн, Билл Эшкрофт, Хелен Тиффин, Гарет Гриффите, А. Адам, Кристиан К. Стед, Роберт Росс, Сьюзен Эш, Джина Вискер. Критиков занимают такие вопросы, как переосмысление колониального дискурса (Л. Лдам, Х. Тиффин), трансформация западного культурного мстанарратива (Билл Эшкрофт), изменение в структурных элементах художественного текста (Гарет Гриффите), автобиографичность и автоэтнографичность художественного изложения (Хелен Тиффин), гибридность и развитие постколониальной идентичности (Билл Эшкрофт, Хелен Тиффин, Лиз Финн), инаковость постколониального героя (Джина Вискер), феминизм (Сьюзен Эш) и многое другое.

Существует точка зрения, что постколониальная литература настолько тесно связана с постмодернистским дискурсом, что является лишь инвариантом постмодернистских текстов. Так, например, на страницах романа Кери Хьюм мы видим все основные признаки постмодернистского текста, такие как фрагментарность и смена рассказчика – повествование ведется поочередно от всех трех главных героев; исключенность, инаковость главных героев из общего плана, как одна из центральных линий романа; рефлексивные отступления от сюжета, стремление к изоляции, приводящее к насилию и в конечном итоге финал романа, который одновременно является и началом нового витка. Такая тесная связь с постмодернистским текстом раскрывает тот факт, что постколониальная литературная практика нацелена на (пере)осмысление проблемы имперско-колониального различия и, в целом, имперско-колониальной составляющей модерности. Но, как показывают исследования Г. Спивак и Х. Баба, связь постмодернизма и постколониализма, построена не на слепом следовании постколониалистами за представителями постмодерна, а на равносильном диалоге двух направлений.

Этот диалог инкорпорирован в работы авторов-постколониалистов, которые вслед за исследователями философской и культурологической природы постколониализма дискутируют на страницах произведений с постмодернизмом, имеющим «западное» начало, переосмысливая и деконструируя опорные постмодернистские понятия в более широкие мультикультурные явления. Проявления этого диалога четко прослеживаются в романах исследуемых авторов. Керевин Холмс, главная героиня романа Кери Хьюм "The Bone People", чувствуя себя иной и заключая себя в изоляцию, как постмодернистский герой, начинает понимать природу своей инородности только через осознание своих маорийских корней, переплетенных в ней, в её «костях-предках», с западной составляющей. [10; 360-370]. И Керевин выходит из кризиса только, когда перерождается и в физическом плане, через смертельную болезнь, и в духовном, через создание маорийского тотема для немого мальчика Саймона, чья инаковость не несет в себе элемент маори. [10;

403-405] Перед Салли, главной героиней автобиографического романа "My Place", стоит задача понять собственную инаковость, которая скрыта от нее уже изоляцией не её собственной, а её родителей от своих аборигенных корней. [12; 110-113] Салли, через душевную боль и страдание, начинает себя идентифицировать с подчиненной культурной группой аборигенов. Понимая, что ей не уйти от гибридности себя самой, как дочери смешенной семьи, она находит себя через написание книги – истории своей семьи, всего угнетенного культурного пласта, что меняет текст из постмодернистского в постколониальный на глазах у читателя, ставя в центр автоэтнографичность повествования.

В пользу отделения постколониального дискурса от постмодернистского высказывается российский исследователь М.В. Тлостанова. Основываясь на понятии «временного зазора» или «запаздывания», выделенным Х. Бабой, вслед за Ж. Лаканом, Тлостанова утверждает, что Баба пытается отмежеваться «от простого культурного плюрализма, когда культурные явления рассматриваются в едином условно универсальном времени, так и от культурного релятивизма с идеей существования различных временных культурных контекстов в универсальном пространстве постмодернизма». [2; 320] Работы исследуемых авторов служат подтверждением разделения понятий «пространство постмодерна» и «время постколониальности», сделанным Х. Баба. [6; 125] Инаковость главных героев не может быть разрешена в постмодернистском пространстве, и только постколониальный дискурс, через переосмысление постмодернистских реалий позволяет авторам примирить героев с собственной гибридностью.

Введенное понятие Г. Спивак постколониальная «жертва», как человека или группы людей, не имевших доступа к репрезентации в рамках того или иного метарассказа, также позволяет говорить о диалоге или даже противостоянии постколониализма или постмодернизма. [15] В романе Салли Морган "My Place" такими постколониальными «жертвами» выступают различные поколения семьи, основанной на смешении аборигенных и «западных» традиций. С помощью внутреннего диалога главного героя с предками читатель видит различные этапы развития гибридной самоидентификации с элементами «временного запаздывания» у старших поколений и переосмысления роли угнетателя и «жертвы», как уже не являющейся константой у младших. Кери Хьюм в "The Bone People" раскрывает понятие жертвы двумя векторами – через образ немого мальчика Саймона, являющегося жертвой насилия в семье от приемного отца Джо, и самого Джо, который является «жертвой», так как всплески насилия порождены его изоляцией из культурного поля его семьи-маори и окружающей его западно-ориентированной системы ценностей. Данное исключение из национального и культурного метарассказов основано на гибридности двух начал: временном несоответствии маорийских корней Джо и внутреннем состоянии одинокого, запутавшегося в своих сексуальных и чувственных

проекциях человека. Идея постколониальной «жертвы» нашла свое развитие понятию «контр-модерна», предложенной Х.Бабой. [6; 7]

Выделенные выше признаки самостоятельности постколониализма от постмодернизма, который, несомненно, является философскими истоками постколониального дискурса требуют дальнейшего критического рассмотрения и подтверждения на практике путем сравнительной интерпретации текстов авторов-постколониалистов. Перспективным также является сравнительный анализ работ постмодернистских авторов с постколониальными для дальнейшего раскрытия рамок диалога постколониализма и постмодернизма.

Литература

1. Делез Ж. Капитализм и шизофрения. Анти-эдип / Ж. Делёз, Ф. Гваттари; под.ред. к.ф.н. С.Я. Левит, перевод-реферат к.ф.н. М.К. Рыклина. – Москва: АН РСФСР, 1990. – 46с.
2. Западное литературоведение XX века: Энциклопедия [сост. Е.А. Цурганова и др.]. – Москва: Intrada, 2004. – 560 с.
3. И заканчивать – значит начинать: Круглый стол ЛГ – О проблемах современной английской литературы, 31.01.1996 г. / Литературная газета. – М.: № 5 (5587).
4. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. / Фуко М. [пер. с французского В. Наумова под ред. И. Борисовой] – М.: Ad Marginem, 1999. – 167с.
5. Сайд Э. Ориентализм. Западные концепции Востока / Сайд Э. – СПб. : Русский мир, 2006. – 638 с.
6. Bhabha Н.К. The Location of Culture / Bhabha Н.К. – N.Y.: Routledge, 1994. – 285 p.
7. Brians P. "Postcolonial literature" Problems of Term [электронный ресурс] / P. Brians // World Literature in English – 2006. – Режим доступа к электронному ресурсу: <http://www.wsu.edu/~brians/anglophone/postcolonial.html>
8. Fanon, F. The Wretched of the Earth / Fanon F.; trans, from French by R.Philcox. – New York: Grove Press, 2004. – 251 p.
9. Handout on Postcolonial Studies [электронный ресурс] // Contemporary Critical Theory – 1997. – Режим доступа к электронному ресурсу: <http://www.lawrence.edu/dept/english/courses/60a/handouts/poco.html>
10. Hulme. К. The Bone People [роман] / Kerri Hulme. – NY: Penguin Books, 1983 – 449, [1]p.
11. McClintock А. The Angel of Progress: Pitfalls of the Term 'Post-colonialism' // Colonial Discourse and Postcolonial Theory (eds. Patrick Williams and Laura Chrisman) / Anne McClintock. – New York, 1993. – P. 84-98
12. Morgan, S. My Place: [роман] / Sally Morgan. – Fremantle: Fremantle Arts Centre Press, 1987. – 444, [1] p.

13. Oxford Dictionary of Literary Terms [сост. С. Baldick.]. – L.: Oxford, 2004. – 450 p.
14. Rushdie S. Commonwealth Literature Does Not Exist // Reprinted in Imaginary Homelands: Essays and Criticism / Salman Rushdie. – London: Granta Books in association with Penguin Books India, 1991.
15. Spivak, G.C. Can the subaltern Speak? / G. C. Spivak // Marxism and the Interpretation of Culture (G.Nelson, L. Grossberg eds.). – Chicago: Illinois University Press, 1988
16. Wisker G. Key Concepts in Postcolonial Literature / Wisker G. – N. Y.: Palgrave MacMillan, 2007. – 248 p.

Аннотация

В статье рассмотрена связь постколониального дискурса с постмодернизмом. Проанализирована философско-теоретическая база постколониализма. Проведен обзор работ зарубежных и отечественных исследователей данного направления. Выявлены основные отличия постколониального дискурса от постмодерна на базе критических работ. На основе проведенного автором обзора, проведена сравнительная интерпретация художественных текстов авторов-постколониалистов с целью показать развитие диалога постколониализма с постмодернизмом. Предложены пути дальнейших изысканий в сфере сравнительного анализа постмодернистских и постколониальных текстов с целью доказательства самостоятельности постколониализма в рамках литературного течения.

Ключевые слова: постколониализм, инаковость, деконструкция, постмодернистский дискурс, национальная литература

Анотація

У статті розглянуто зв'язок постколоніального дискурсу з постмодернізмом. Проаналізована філософсько-теоретична база постколоніалізму. Проведено огляд робіт зарубіжних і вітчизняних дослідників даного напрямку. Виявлено основні відмінності постколоніального дискурсу від постмодерну на базі критичних робіт. На основі проведеного автором огляду, проведена порівняльна інтерпретація художніх текстів авторів-постколоніалістів з метою показати розвиток діалогу постколоніалізму з постмодернізмом. Запропоновано шляхи подальших досліджень у сфері порівняльного аналізу постмодерністських та постколоніальних текстів з метою доведення самостійності постколоніалізму в рамках літературної течії.

Ключові слова: постколоніалізм, інакшість, деконструкція, постмодерністський дискурс, національна література

Summary

The connection between postcolonial discourse and postmodernism has been scrutinized in the article. Philosophical and theoretical basis of postcolonialism has

been analysed. The review of foreign and national researchers of the area has been made. The main difference of postcolonial discourse from postmodern one on the basis of critical works has been highlighted. On the foundation of the review made by the author the comparative interpretation of postcolonial fiction has been conducted to show the genesis of dialogue between postcolonialism and postmodernism. The ways of the further inquiry in the area of comparative analysis of postmodern and postcolonial texts aimed at proving self-sufficiency of postcolonialism in the terms of literary trend has been proposed.

Key words: Postcolonialism, Otherness, Deconstruction, Postmodern Discourse, National Literature

Статья прорецензирована и рекомендована к печати к.ф.н. Хлыбовой Н.А., доцентом кафедры иностранных языков гуманитарного профиля